

«В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало «ревизионистской революции»

Эли Ламдан (аспирант, Программа по Истории, Философии и Социологии Наук, Еврейский Университет в Иерусалиме и Израильское Интер-университетское Сотрудничество по исследованию России и Восточной Европы, eli.lamdan@gmail.com)

Антон Ясницкий (неаффилированный исследователь, Торонто, Канада, anton.yasnitsky@gmail.com)

Рене Ван дер Веер (профессор, Кафедра Образования, Лейденский университет, Лейден, Голландия и Школа Психологии, Университет Магелана, Пунта-Аренас, Чили, veer5821@gmail.com)

Аннотация

Последнее десятилетие ознаменовалось серией исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить о «ревизионистской революции в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies, см. Yasnitsky & Van der Veer, 2015), то есть в такой области исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников. Данная статья дает краткий обзор этих исследований и иллюстрирует исследовательский потенциал "ревизионистского поворота" на примере неизвестной переписки А.Р. Лурии с его американским коллегой, датированной августом 1941 года. В статье представлено, в переводе с английского, письмо Лурии, содержание переписки между его американскими контр-агентами и ответ Лурии адресата письма Хораса Каллена. В заключение дается краткое обсуждение этих документов в контексте других архивных документов Лурии и Выготского и с точки зрения ревизионистской методологии исследования.

Ключевые слова:

Лурия, Выготский, выготсковедение, круг Выготского-Лурии, архивы, документы, переписка, ревизионизм, ревизионистская революция, изоляционизм, транснационализм, Вторая мировая война, демократия, транснациональная история

ENGLISH

“In the August of 1941”: Alexander Luria’s Unknown Letter to the USA in the Light of “Revisionist Revolution”

Eli Lamdan (PhD candidate, The Program for History, Philosophy and Sociology of Science, the Hebrew University in Jerusalem and the Israeli Inter-University Academic Partnership in Russian and East European Studies, eli.lamdan@gmail.com)

Anton Yasnitsky (unaffiliated researcher, Toronto, Canada, anton.yasnitsky@gmail.com)

René Van der Veer (professor, Department of Education, Leiden University, Leiden, Holland and School of Psychology, Magallanes University, Punta Arenas, Chile, veer5821@gmail.com)

Abstract

The recent decade is characterized by the explosion of studies in the history of Russian psychology that are best described as the “Revisionist Revolution in Vygotsky Studies” (see: Yasnitsky & Van der Veer, 2015). By “Vygotsky Studies” we mean such field of research that critically scrutinizes the scientific legacy of Lev Vygotsky (1896-1934), Alexander Luria (1902-1977) and the circle of their closest associates known as the “Vygotsky-Luria Circle”. This article briefly overviews these critical studies and provides an illustration of the potential of the “revisionist turn” with the unknown correspondence between Luria and his American peer Horace M. Kallen. Luria’s letter was composed in August 1941, and is published herein translation into Russian. In conclusion, we briefly discuss this letter in the context of other related archival materials of Luria and Vygotsky and from the standpoint of the methodology of revisionist research.

Key words:

Luria, Vygotsky, Kallen, Vygotsky Studies, Vygotsky-Luria Circle, archives, documents, correspondence, revisionism, revisionist revolution, isolationism, transnationalism, World War II, democracy, transnational history.

Последнее десятилетие ознаменовалось целой серией новых исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить об «архивной революции» [20], а затем даже и о «ревизионистской революции в выготсковедении» [22], то есть в такой области исторических, текстологических, методологических и теоретических исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников, или же, иными словами, так называемого «Круга Выготского-Лурии» [19; 21].

«Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), зародившаяся еще в критических работах начала 1980х, окончательно оформилась как широкое международное научное движение и набрала размах к середине 2010х, свидетельством чему недавняя публикация программной коллективной монографии под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера [23], встретившей большую поддержку ведущих мировых специалистов. Так, например, Питер Смагорински (Peter Smagorinsky), председатель специальной профильной группы по культурно-историческим исследованиям Американской Ассоциации по исследованиям в области образования (Chair, Cultural-Historical Research Special Interest Group of the American Educational Research Association, 2012-2014) и профессор Колледжа Образования Университета Джорджии (College of Education, The University of Georgia, USA) оценивает эту программную монографию как «бесценный том с публикацией интеллектуального проекта по освоению теории Выготского и ее применению к современным проблемам в новых контекстах». Энди Байфорд (Andy Byford), профессор отделения русского языка и культуры Университета Дарема (Department of Russian, the School of Modern Languages and Cultures, Durham University, UK), подчеркивает, что авторы и редакторы монографии «вступают в острую полемику с 'культизмом' в выготсковедении, базируя свои ревизионистские аргументы на оригинальной исторической реконструкции и деконструкции наследия Выготского в Советском Союзе, пост-советской России и в мире. Это собрание исследований проливает новый свет на историю рецепции и продвижения Выготского и его 'школы'». Александр Эткинд (Alexander Etkind), в самом недавнем прошлом профессор Кембриджского университета, а в настоящее время профессор по истории отношений между Европой и Россией отделения Истории и Цивилизации Европейского университета во Флоренции (Mikhail M. Bakhtin Professor of History of Russia-Europe Relations, Department of History and Civilization, European University at Florence, Italy) в своей рецензии на книгу напоминает нам, что «Лев Выготский — это один из тех титанов в психологии, которые были исключительно неверно и несправедливо представлены. Утонченно культурный и глубоко политизированный автор, Выготский творчески объединил фрейдистские и троцкистские влияния, находя источник для собственного вдохновения в психологии развития и языкознании. Эта книга предлагает основательный пересмотр наследия Выготского, неизбежный для любого, кто читает Выготского и следует за ним как психологом». Фернандо Гонзалес Рей (Fernando Luis González Rey), бразильский ученый кубинского происхождения, прошедший аспирантуру в московском Институте общей и педагогической психологии (ныне: Психологический институт им. Щукиной), бывший президент Общества психологов Кубы (1986-1989) и декан психологического факультета и проректор Университета Гаваны (1990-1995), а в настоящее время профессор Университета г. Бразилиа (Universidade de Brasília), приходит к заключению, что «эта книга одновременно опровергает мифы и в то же время кладет основания современному изучению классических работ Выготского». Александр Метро (Alexandre Metraux), исследователь, аффилированный с Архивами Анри Пуанкаре в Нанси (Archives Henri Poincaré, Nancy, France), и сотрудник Института Отто Зельца Университета г. Мангейм (Otto-Selz Institut für Andewandte Psychologie, University of Mannheim, Germany), ссылаясь на ряд

публикаций Ван дер Веера, Завершневой и Ясницкого, составивших костяк книги, как на серию «парадигматических работ, проведенных на основе солидных архивных, текстологических, лексикологических и социо-исторических исследований» утверждает при этом, что «эти исследования парадигматичны еще и иным смысле. Их авторы осознали, наконец, что прежде накопленное знание о работе и жизни Выготского отчасти ограничено, и что необходим свежий взгляд вкупе с использованием новых методов исследования, которые не были использованы еще с 1935 года (скрупулезное изучение архивных источников, методы филологического анализа, переосмысление развития наук с точки зрения анализа политических и общественных процессов, историческая контекстуализация). Это означает, что в не столь отдаленном будущем выготсковедение, весьма вероятно, подтвердит то, что я предвидел еще в начале 21 столетия, а именно: что мой подход к тому, что я наивно называл 'культурно-исторической школой советской психологии', оказалось, принадлежит к холодному и бездвижному прошлому».

Все эти отзывы, которые можно найти на обложке книги [23], при всей их краткости, вполне информативны и дают неплохое представление о географическом охвате «ревизионизма в выготсковедении» и поддержке «ревизионистскому движению» среди известных и авторитетных исследователей Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, США и Франции. В этой связи нельзя не упомянуть то обстоятельство, что расширенная испаноязычная версия монографии, подготовленная при непосредственном участии и поддержке исследователей из Аргентины, Бразилии, Испании, Мексики и Чили, в настоящий момент готовится к публикации и ожидается к выходу в середине 2016 года. Это свидетельствует о том, что ревизионистское движение в настоящее время охватило не только Северную Америку, Западную Европу и, отчасти, Россию, но также Латинскую и Южную Америку.

И тем не менее, наиболее полное и обстоятельное на настоящий день описание ревизионистского проекта можно найти во Введении в книгу. Его автор — известнейший исследователь и пропагандист наследия Выготского на Западе, Алекс Козулин, сотрудник и академический координатор Института Фейерштейна в Иерусалиме (Academic Coordinator of the International Department at the Feuerstein Institute, Jerusalem, Israel), автор классических книг, например, по истории советской психологии (1984) и интеллектуальной биографии Выготского (1990), а также автор, пожалуй, наиболее известного и распространенного перевода «Мышления и речи» Выготского на английский язык (1986). Предваряя возможные вопросы читателей относительно введения термина «ревизионистская революция» с точки зрения культурно-исторической психологии, Козулин раскрывает, в чем состоит вышеупомянутый подход и дает описание его содержания отдельным вводящим текстом, который мы не имеем возможности здесь опубликовать целиком, но позволим себе лишь несколько существенных цитат.

В своем Введении Козулин утверждает, что «основным инструментом, используемым авторами для деконструкции выготскианского культа, является очень насыщенный социальный и идеологический анализ соответствующих периодов советской истории. Авторы идентифицировали и описали следующие факторы советской жизни как фундаментальные для понимания механики советской академической жизни и ее отражения в различных текстах: централизация и контроль, клановая ментальность, ритуальность, разрыв между теорией и практикой, интеллектуальный изоляционизм, культизм и агиографичность. Обсуждение этих факторов существенно обогатило наше

понимание контекстов, в которых в реальности действовали советские психологи, работники сферы образования и медицинские работники» [23, xii]. Далее, Козулин подчеркивает, что «вдобавок к детальному обсуждению социального контекста жизни в СССР, авторы предлагают нам информативный пример исследования взаимоотношений между выготскианцами и их зарубежными коллегами на Западе; конкретно: представителями школы гештальт-психологии» [23, xiv]. И вправду, последняя из трех секций книги посвящена обсуждению вопросов «холизма и транснационализма», что лишний раз свидетельствует о принципиально транснациональной ориентации ревизионистского движения, как по географическому составу его участников, так и по охвату исследовательских тем. Козулин указывает, что «читатели также найдут полезным детальное обсуждение проблем публикации и перевода, которые ассоциируются с текстами Выготского» [23, xv]. В целом, обсуждение этой проблематики во многом лежит в русле систематического изучения специфики рецепции и социального конструирования научного наследия Выготского в Советском Союзе и в мире за пределами «железного занавеса», как это уже указывали другие комментаторы (см., например, отзывы Байфорда и Метро, выше). На этом общий обзор ревизионистского движения можно завершить, а заинтересованные читатели приглашаются к ознакомлению с программной коллективной монографией [23], а также и с конкретными ранее опубликованными исследованиями, доступными не только на английском, но и в значительной мере также и на русском языке.

Итак, среди наиболее заметных собственно архивных исследований следует отметить серию работ, выполненных Е.Ю. Завершневой (отчасти в соавторстве) на материалах, обнаруженных в личных архивах семьи Выготского и опубликованных преимущественно в журнале «Вопросы психологии»; см., напр., [24; 26; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36]. Другая серия работ посвящена сравнительной текстологии работ Выготского в переводе на английский [18] и в их публикациях в оригинале, то есть на русском языке [7; 8; 9; 15]. Связаны с ними, но стоят несколько особняком, исследования по истории создания текстов Выготского, основательно перевернувшие наши традиционные представления о хронологии и даже подлинности тех или иных текстов, традиционно приписываемых Выготскому [25; 27; 37; 39; 42; 46].

Из числа историко-методологических и историко-теоретических работ следует отметить исследования фундаментальных проблем методологического и философски-теоретического свойства в психологических экспериментах, проведенных командой Лурии-Выготского в ходе полевых исследований в их среднеазиатских экспедициях 1931 и 1932 гг. и в последующем оформлении этих исследований в научных публикациях [1; 4; 12; 16; 28; 38; 48]. Фундаментальным представляется недавнее открытие, которое не только выявляет постепенное сближение в методологии проведения эмпирических психологических исследований, но и растущее на протяжении межвоенного периода теоретическое сходство между работами советских научных работников круга Выготского-Лурии и исследованиями немецко-американских ученых, известных как представители психологического направления гештальт-психологии (Макс Вертхаймер, Курт Коффка, Вольфганг Кёлер, Курт Гольдштейн, Курт Левин и мн. др). В некоторых публикациях последнего времени этот укрепляющийся альянс между советскими и германо-американскими психологами и сближение их теоретических позиций получил несколько дискуссионное название «культурно-исторической гештальт-психологии» [22; 45].

Многие из названных исследований, вкпе с рядом совсем недавних оригинальных работ, — таких как, например, новая научная библиография работ Выготского, официально опубликованных в 1920х-1930х годах на русском и еще пяти иностранных языках или исследование пресловутого «запрета на Выготского», т.е. якобы существовавшего официального запрета на изучение наследия, переиздание работ и даже упоминания имени Выготского в период 1936-1956 [3], — были подытожены в виде программной книги, озаглавленной «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies) и вышедшей из печати в сентябре этого года в издательстве Раутледж [23]. В середине следующего, 2016 года планируется и выход испаноязычной, расширенной версии этой книги.

Данная статья продолжает собой череду «ревизионистски-революционных» работ по изучению истории, методологии и научного наследия круга Выготского-Лурии и, в известном смысле, знаменует собой начало нового этапа научной работы, выходящей на уровень организованного и системного исследования изучаемого культурно-социального и научного феномена в его историческом развитии во всем мире. Тем не менее, задачи, поставленные авторами в данной конкретной статье, посвященной одному весьма частному вопросу, гораздо менее глобальны и системны. На суд читателя предлагается одно, но вполне сенсационное открытие. Сенсационным это открытие делает в первую очередь широко распространенное — но, как мы понимаем, ошибочное — убеждение, что начиная с ранних 1930х и до середины 1950х годов советская психология как научная дисциплина в ее социальном функционировании была по политическим причинам отрезана от международных научных процессов. Впрочем, этот взгляд был основательно подвергнут сомнению в цикле сравнительно недавних публикаций на тему «изоляции советской психологии», вышедших преимущественно на русском языке в журнале «Вопросы психологии», в которых было показано, что советские психологи — как сообщество научных деятелей в целом — стремились (и во многом вполне небезуспешно) к поддержанию двухсторонних контактов со своими коллегами в Западной Европе и в Америке вплоть до начала Второй мировой войны в 1939 году [13; 40; 41; 43; 44; 45; 47]. В целом, можно утверждать, что международные связи советских психологов вполне вписываются в общий исторический тренд, согласно которому контакты между советскими и западными интеллектуалами продолжались и развивались на протяжении двух межвоенных десятилетий, хотя и сравнительно в меньшей степени в предвоенный период второй половины 1930х [2; 10; 11; 17; 29]. И тем не менее, до сих пор казалось непреложной истиной то положение, что никаких контактов между советскими психологами и их западными коллегами во время Второй мировой войны (1939-1945) не было. Наши недавние находки, сделанные в ходе исследовательской работы в различных архивных коллекциях государственных и частных организаций и ведомств, принципиально опровергают и это положение.

В коллекциях документов крупных исследовательских организаций таких как Американский еврейский архив¹ и YIVO Еврейский научный институт² мы обнаружили обширную переписку между Хорасом М. Калленом и, с другой стороны, Лурией и Выготским, продолжавшуюся на протяжении 1929-1934, но прервавшуюся ориентировочно в начале 1934 года и возобновившуюся на регулярной

---

¹ American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers.

² “Yidisher Visnshaftlekher Institut”; YIVO Institute for Jewish Research [YIVO], New-York: Horace M. Kallen Papers American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers

основе уже после смерти Выготского, в послевоенный период во второй половине 1950х. В связи с этим разрывом в активных контактах между корреспондентами тем более примечательным представляется письмо Лурии Каллену, датированное 26 августа 1941 года, то есть через два месяца после начала боевых действий на территории Советского Союза, проходивших в результате нарушения пакта о ненападении между гитлеровской Германией и сталинским СССР и вторжения немецких войск 22 июня 1941 г. Иными словами, письмо Лурии было написано через два месяца после начала Великой Отечественной Войны.

Адресат письма, Хорас М. Каллен (Horace M. Kallen) (1882-1974) — совершенно легендарная фигура и воистину ренессансный персонаж, сочетавший в себе таланты и ипостаси сына ортодоксального раввина в Германии, выпускника и лектора Гарвардского университета, американского философа, еврейского мыслителя и активного общественного деятеля, профессора престижного нью-йоркского университета Новая школа социальных исследований (The New School for Social Research), сиониста и сторонника культурного плюрализма. В настоящий момент трудно сказать наверняка, при каких именно обстоятельствах состоялось — скорей всего, заочное — знакомство Лурии и Каллена, но вполне достоверно известно, что их первая очная встреча произошла в ходе визита Каллена в Москву, прошедшего как часть его путешествия по Ближнему Востоку (Египет, Палестина), Восточной Европе (Польша) и СССР весной 1927 года. Впечатления Каллена о путешествии были опубликованы два года спустя в книге, вышедшей под названием «Территории свободы» (Frontiers of Hope) в нью-йоркском издательстве Хораса Лайврайта (Horace Liveright), где обсуждение его путешествия в Советский Союз занимает последнюю, третью часть книги. В книге Каллена сохранилось даже курьезное описание его визита к «блестящему молодому ученому с наиболее стремительным интеллектом из всех, кого он встречал в России», который устроил в его честь званый обед «в комнате, в которой он и его жена Верочка спали и готовили пищу, и ели, и работали» [6, р.289]³. В этом описании мы безошибочно угадываем портрет Лурии, женатого в ту пору на Вере Николаевне Благовидовой (1903-1993)⁴, которая, как и Лурия, в 1923 году переехала из Казани в столицу и с которой они вместе жили в съемной комнате в Москве.

Итак, в августе 1941 года Лурия после некоторого перерыва в их переписке пишет Каллену новое письмо и тем самым инициирует возобновление их контактов. Приводим здесь полный текст этого письма⁵:

26 августа, 1941

Д-ру Хорасу М. Каллену

Нью-Йорк

Новая школа социальных исследований

---

³ В оригинале: «A brilliant young scholar with the swiftest mind I met in Russia gave me dinner in the room where he and his *Verotchka* slept and cooked and ate and worked».

⁴ По имеющимся у нас сведениям, брак с Благовидовой продлился до 1930 года.

⁵ Все архивные документы, приведенные здесь полностью или процитированные в русском переводе, хранятся в архивной коллекции YIVO.

Мой дорогой Др. Каллен

Прошло немало времени с тех пор, как прервалась наша регулярная переписка; теперь же я возьму на себя смелость воспользоваться любезностью редактора нью-йоркского [издания] *P.M.*, который нанес визит в нашу клинику, — и я надеюсь, что это письмо дойдет до Вас в разумные сроки.

Мы сейчас вовлечены в совершенно ужасную войну; вся наша культура, наши труды и жизни в большой опасности; мы тяжело работаем, — прекрасно понимая, что завтрашний день может принести нам новые и новые трудности и невзгоды. Но все советские люди и русские ученые вполне уверены, что эти месяцы пройдут и принесут [нам] победу в этой великой битве с фашизмом и варварством, и мы счастливы видеть обе наши страны в союзе в этой битве.

Я много работаю над проблемами мозгового поражения, которые заняли несколько последних лет моей жизни. Я планировал еще раз побывать в США, — и приглашение прочитать Салмоновские Лекции делало этот визит возможным, но война нарушила планы, и несколько моих томов [стр. 2] на тему психологического анализа мозговых поражений сейчас ожидают своей публикации.

Тем не менее, я надеюсь, что наступит время, когда я смогу повидать Вас снова, и что это будет то время, когда демократия действительно положит конец варварству.

Прошу Вас передать мой привет Вашему семейству, и уверяю Вас, что мы в эти трудные дни продолжаем работать так же интенсивно, как мы работали и ранее, и, — я бы сказал, — даже гораздо более интенсивно.

Буду рад получить новости от Вас и буду ждать Ваших писем.

Искреннейше Ваш,

[подпись] Ал Лурия⁶.

---

⁶ В оригинале (орфография, стилистика, орфография и пунктуация автора сохранены без изменений):

«My dear Dr Kallen,

It is a long time our regulary [sic] correspondence was interrupted; now — I take the liberty in using the kindness of the Editor of the New York "P.M." who visited our clinic, — and hope that this letter will reach you in right time. We are now in the middle of the most terrific war; our whole culture, our works and lives are in great danger; we are working hardly [sic] — knowing quite well, that the next day can bring us new and new difficulties and troubles. But the whole soviet [sic] people and russian [sic] scientists are quit [sic] sure, that this months [sic] will pass and will bring victory in this great fight against fascism and barbarism, and we are happy to see our both countries to be together in this fight.

I am working hardly [sic] in [sic] the problem of brain injuries which occupied my last few years. It was my plan to visit USA once more — and the invitation for Salmon Memorial Lectures made it possible but the war interrupted it, and several volumes on [page 2] psychological analysis of brain injuries I have accomplished are now waiting for their publication.

I hope — nevertheless — time will come when I shall be able to meet you again, and that will be the time when democracy will make a real end of barbarism.

Please tell my compliments to your family, and be sure that in these hard days we are working so intensively we used to do formerly, and — I should say — much more intensive [sic].

I should be glad to receive news from you and will wait for your letters.

Письмо было запечатано в конверт с фабрично изготовленным обратным адресом Лурии в Москве на английском языке в левом верхнем углу конверта⁷. Адрес получателя был подписан рукой Лурии на конверте⁸. И, наконец, судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено из городка Миллертон в штате Нью-Йорк (Millerton, NY) в 3 часа вечера 20 октября 1941 года. Таким образом, письмо дошло до получателя не ранее конца октября того же года, т.е. через два месяца после написания. Такая задержка с отправкой письма совершенно закономерна, если принять во внимание, что Лурия писал письмо по поводу встречи с американским журналистом, издателем и редактором газеты, который, как мы понимаем, вызвался перевезти это письмо в своих личных вещах и отправить его по указанному адресу в Нью-Йорк лишь по возвращении домой после поездки в Советский Союз (и, вполне возможно, еще в какие-то другие страны). Можно предположить, что, несмотря на потерю во времени, это был наиболее надежный способ отправки письма в ту пору, когда активные военные действия разворачивались и на суше, и на море (в частности, в Атлантическом океане), а регулярная и надежная почтовая связь между странами была нарушена.

Так или иначе, письмо в конце концов дошло по адресу, указанному на конверте. Об этом мы знаем из последовавшего обмена письмами между фактическим отправителем письма, Ральфом Ингерсоллом (Ralph Ingersoll) и его адресатом, Хорасом Калленом. Так, в своем письме от 31 октября Каллен подтверждает получение письма Лурии, выражает радость, что Лурия, вопреки его опасениям, не был уничтожен в ходе одной из сталинских «чисток» и просит своего корреспондента поделиться подробностями о встрече с Лурией и его работе. Ральф Ингерсолл (1900-1985), журналист и редактор ежедневной нью-йоркской газеты левого толка *PM*⁹ [5], в своем письме от 11 ноября ответил, что у него было рекомендательное письмо к доктору Гращенку¹⁰, с которым он имел возможность пообщаться дважды в ходе его исключительно интересного визита в клинику. Впечатления от этого визита, как сообщает Ингерсолл в своем письме, были отражены в его заметке

Very sincerely yours,
[signature] Al Luria»

⁷ Адрес отправителя, как он указан на конверте:
«Prof. Alexander R. Luria
13 Frunse St.
Moscow, U.S.S.R.»

⁸ Адрес получателя, как он указан на конверте:
« Dr Horace Meyer Kallen
New School of Social Research
New York City»

⁹ Комментарий: название издания передается здесь латинскими буквами, «р.т.», и это название, по мнению историков и биографов, по всей видимости, было образовано как обозначение того, что газета выходила во второй половине дня, т.е. *post meridiem*.

¹⁰ Имеется в виду Гращенков (Проппер-Гращенков), Николай Иванович (1901-1965), в 1937-1939 г. первый заместитель и исполняющий обязанности наркома здравоохранения СССР, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944) и АН БССР (1947), в 1947-1951 г. президент АН БССР, а в 1959-1961 г. — заместитель Генерального директора Всемирной организации здравоохранения. С октября 1935 по февраль 1937 г. находился в научной командировке в Англии и США. В период описываемых здесь событий Гращенков был директором института и заведующим первой клиникой Всесоюзного института экспериментальной медицины, а также консультантом по неврологии и нейрохирургии 33-й армии. Для Лурии Гращенков являлся не только вышестоящей инстанцией и научным администратором, но и единомышленником и, впоследствии, соавтором.

под названием «День в русском госпитале для пациентов с ранениями головы» (A day in Russian hospital for head wounds), но, по мнению автора, эта заметка не очень информативна, так как его основной задачей было в первую очередь передать общее ощущение атмосферы там. Что же касается Лурии, то Ингерсолл не нашел, что сообщить по поводу его жизни и работы кроме того, что научная и практическая работа в этой клинике ведется в высшей степени интенсивно, и что дисциплина и боевой дух среди работников госпиталя исключительно высоки. В контексте нашего обсуждения темы гипотетического «изоляционизма» советской психологии особенно интересна заключительная ремарка Ингерсолла: «У меня осталось впечатление, что все эти доктора высоко ценят их связи с внешним миром, о чем я сужу как по разным мелочам, которые звучали в разговоре со мной, так и по тому факту, что стены их рабочих кабинетов были буквально покрыты изображениями их друзей и коллег за границей»¹¹.

В ответ на это письмо пару недель спустя Каллен отправил два своих. Оба письма датированы 28 ноября 1941 года. И если первое письмо, адресованное Ингерсоллу, было вполне вежливым по форме, но малосодержательным, то второе представляет для нас определенный интерес, хотя бы по той причине, что оно было адресовано Лурии и, вероятно, в какой-то момент — раньше или позже — было им получено. Письмо Каллена приводится полностью ниже:

28 ноября 1941

Мой дорогой Лурия:

С восторгом я разглядывал Ваш почерк и читал Ваше письмо. Я в высшей степени признателен редактору *PM* за то, что он доставил его мне. Я полностью разделяю Ваши чувства. Я бы отправил Вам кой-какие свои брошюры, из тех, что я написал по этому поводу, будь я уверен, что они до Вас когда-нибудь дойдут. Для меня война представляется повторением нашей Гражданской войны, в которой мы сражались здесь, в Соединенных Штатах в шестидесятые, но только в мировом масштабе. Суть, мне кажется, остается неизменной: свобода для всех людей в противоположность рабству для некоторых; единство всего человечества на основе равных свобод для разных народов, вне зависимости от расы, веры, половой принадлежности, цвета кожи или политических взглядов; возможности богатой и полной жизни — духовной и материальной — для всех. Мистер Ингерсолл написал заметку для *PM* о своем посещении вашей больницы, и добавил пару слов мне лично о его впечатлении от той самоотдачи, которую проявляют доктора в вашей клинике. Боюсь, что уже совсем недалеко то время, когда мы тоже будем в полной мере вовлечены [в боевые действия] в Тихом и Атлантическом океанах, и вот тогда уже все пойдет без остановки вплоть до полной и безоговорочной победы свободы. Я завидую доступной Вам возможности проводить конкретную работу по излечению сраженных в бою. К моему сожалению, я задержался только на стадии говорения.

---

¹¹ В оригинале: «I had a feeling that all these doctors cherish their connections with the outside world — both from little things they said and from the fact that the walls of their offices were literally covered with friends and associates abroad.»

Мы здесь много говорим о вас и в Бруклине, и в Нью-Йорке. Мы с нетерпением ждем счастливой возможности снова встретиться после победы, как ученые и как друзья. Я бы хотел предложить Вам организовать встречу вместе с нашими армиями в Берлине 4 июля 1943 года.

С наилучшими пожеланиями от всех нас,

[подпись]¹²

Как и было сказано, у нас нет никаких сведений о том, получил ли Лурия это письмо, что, впрочем, совершенно не удивительно, если принять во внимание, что большую часть войны начиная с октября 1941 года он провел в эвакуации будучи руководителем крупного нейрохирургического эвакогоспиталя № 3120 в посёлке Кисегач Челябинской области. Должно было пройти еще полтора десятилетия для того, чтоб эта переписка возобновилась в полной мере. Таким образом, может показаться, что эти несколько писем, представленные в нашей статье, суть лишь частный и случайный эпизод: исключение, которое лишь подтверждает общее правило. Такой вывод был бы неверен по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, само содержание писем, их тон, неформальный характер и всевозможные детали разного рода свидетельствуют о том, что, по словам Каллена из его ответного письма Ингерсоллу от 28 ноября 1941 г., «люди науки в России стремятся к большему миру, [т.е. к разнообразным международным контактам за пределами своей отдельно взятой страны,] так как они не были бы людьми науки, если б они не делали этого»¹³.

---

¹² В оригинале:

«My very dear Luria:

It was a thrill to see your handwriting and to read your letter. I am more than grateful to the Editor of PM for having gotten it to me. I entirely share the sentiments you express. I wish I could send you, with some certainty that they would reach you, some pamphlets that I have written about the issue. To me the war seems a repetition of the Civil War that we fought here in the United States in the '60's on a world-wide scale. The issue seems to me to be the same: freedom for all men versus slavery for some; the unity of all mankind on the basis of equal liberty for different peoples, regardless of race, faith, sex or color or political opinion; the opportunity for a rich and abundant life, spiritual and material, for everybody. Mr. Ingersoll wrote a piece in PM about his visit to the hospital, and he added a word to me personally about his sense of the devotion of the doctors in the clinic. I am afraid it won't be long before we too are fully engaged in the Pacific and the Atlantic, and then there will be no stopping until the victory of freedom is complete beyond every possible challenge. I envy you the opportunity to do the specific work of healing in terms of the combat. I unfortunately remain in the talking stage.

We think and talk of you a great deal both in Brookline and in New York. We look forward to a happy reunion after victory, both as scientists and as friends. I would like to make an appointment with you to meet with our armies in Berlin on July 4, 1943.

With affectionate greetings from us all,

[signature]»

¹³ В оригинале: «the men of science in Russia do yearn for a wider world, as they wouldn't be men of science if they don't»

Во-вторых, этот частный и, казалось бы, малозначимый эпизод приобретает совершенно другой смысл, если рассматривать его как одно лишь звено в цепочке других событий в жизни, карьере и интеллектуальном наследии его основных участников. И в самом деле, смена масштаба рассмотрения позволяет нам увидеть то, что осталось за рамками переписки середины-конца 1941 года. Это и последовавшая за встречей 1927 года в Москве еще одна встреча Лурии и Каллена (и его семейства) в Америке в конце 1929 г. во время американского визита Лурии в США — попытку реконструкции поездки Лурии на IX Международный психологический конгресс в Йельском университете см. в [47]; и трансатлантическая переписка между Лурией, Выготским и Калленом начала 1930х и последовавшая в результате всех этих событий и при активном вмешательстве Каллена американская публикация книги Лурии 1932 года, вышедшая в переводе с авторским посвящением этого труда Хорасу М. Каллену [14]; и, с другой стороны, на протяжении ряда лет бесплодные обещания Выготского Каллену выслать в Америку рукопись какой-нибудь своей книги для публикации в переводе на английском языке; и номинация Лурии 1939 года на поездку в Нью-Йорк для прочтения престижных Салмоновских Лекций в Нью-Йоркской Академии Медицины и даже конкретные планы на осуществление такой поездки в 1940 г., прерванные началом войны, и многое другое. Впрочем, это уже совсем другая история. Точнее, это целый ряд историй, которые, мы верим, уже в ближайшее время будут рассказаны на русском языке.

Литература

1. Allik J. Do primitive people have illusions? *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2013, no. 6(3), pp. 40–42.
2. David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
3. Fraser J. & Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the "Stalinist Suppression" of Vygotskian Theory. *History of the Human Sciences*, 2015, no. 28(2), pp. 128–153.
4. Goncharov O. A. Commentary on A.Yasnitsky's article "Kurt Koffka: 'Uzbeks DO HAVE illusions!' The Luria-Koffka controversy." *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2013, no. 6(3), pp. 34–36.
5. Hoopes R. *Ralph Ingersoll. A Biography*. New York: Atheneum, 1985.
6. Kallen H. M. *Frontiers of hope*. New York: Liveright, 1929.
7. Kellogg D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, no. 4(4), pp. 85–97.
8. Kellogg D. Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky's "The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky's Main Works and the Chronology of their Composition"). *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, no. 4(4), pp. 80–81.
9. Kellogg D. & Yasnitsky A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, no. 4(4), pp. 98–158.
10. Kremenstov N. *International Science between the World Wars: The Case of Genetics*. London: Routledge, 2005.
11. Kuznick P. J. *Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
12. Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian experiments on optical illusions. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2013, no. 6(3), pp. 66–76.
13. Lamdan E. & Yasnitsky A. "Back to the future": toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, no. 7, p. 509.
14. Luria A. R. *The nature of human conflicts*. New York: Liveright, 1932.

15. Mecacci L. & Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, no. 4(4), pp. 159–187.
16. Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2013, no. 6(3), pp. 43–52.
17. Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank*. London & New York: Routledge, 2007.
18. Van der Veer R. & Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2011, no. 45(4), pp. 475–493.
19. Yasnitsky A. *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education*. Ph.D. dissertation, University of Toronto, 2009.
20. Yasnitsky A. "Archival revolution" in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives. *Journal of the Russian and East European Psychology*, 2010, no. 48(1), pp. 3–13.
21. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2011, no. 45(4), pp. 422–457.
22. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2012, no. 50(4), 3–15.
23. Yasnitsky A. & van der Veer R. (Eds.) *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. Routledge, 2015.
24. Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology. In A. Yasnitsky, R. Van der Veer, & M. Ferrari (Eds.), *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology* (pp. 63–97). Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
25. ван дер Веер Р. Рукописи не горят, не так ли? *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 1, с. 139–144.
26. ван дер Веер Р. & Завершнева Е. «То Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон. *Вопросы психологии*, 2012, № 3, с. 89–105.
27. Гольдберг Э. «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 1, с. 121–123.
28. Гончаров О. А. Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: "У узбеков ЕСТЬ иллюзий!" Заочная полемика между Лурией и Коффкой». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2013, № 3, с. 26–32.
29. Дэвид-Фокс М. *Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы*. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

30. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1). *Вопросы психологии*, 2008, № 1, с. 132—145.
31. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2). *Вопросы психологии*, 2008, № 2, с. 120—136.
32. Завершнева Е. Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». *Вопросы психологии*, 2009, № 6, с. 119—137.
33. Завершнева Е. «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.). *Вопросы психологии*, 2009, № 3, с. 123—141.
34. Завершнева Е. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, 2012, № 2, с. 79—99.
35. Завершнева Е. «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. *Вопросы психологии*, 2013, № 3, с. 125—142.
36. Завершнева Е. & Осипов М. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, 2010, № 1, с. 92—103.
37. Коул М. Комментарии к предыдущим комментариям. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 1, с. 128—132.
38. Ламдан Э. У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2013, № 3, с. 53—65.
39. Ренатус. «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 1, с. 114—117.
40. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. *Вопросы психологии*, 2010, № 3, с. 101—112.
41. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть. *Вопросы психологии*, 2011, № 6, с. 108—121.
42. Ясницкий А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2011, № 4, с. 1—52.
43. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов. *Вопросы психологии*, 2011, № 1, с. 124—136.

44. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей. *Вопросы психологии*, 2012, № 2, с. 66–79.
45. Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2012, № 1, с. 60–97.
46. Ясницкий А. “Орудие и знак в развитии ребенка”: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал. *Методология и история психологии*, 2012, № 7(2).
47. Ясницкий А. Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы психологии*, № 4, с. 86–93.
48. Ясницкий А. Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2013, № 3, с. 1–25.